

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

ОБЗОРЫ

© 2004 г. Л.Э. КАЛНЫНЬ, Г.П. КЛЕПИКОВА

**ВОПРОСЫ ДИАЛЕКТОЛОГИИ НА XIII МЕЖДУНАРОДНОМ СЪЕЗДЕ
СЛАВИСТОВ***

На XIII Международном съезде славистов диалектологическая проблематика, как один из центральных разделов славянского языкознания, традиционно занимала видное место. Однако в сравнении с предыдущим съездом акценты в диалектной тематике несколько сместились (см. нашу публикацию "Вопросы диалектологии на XII МСС". ВЯ. 1999. № 3). Значительно больше внимания было уделено социолингвистическому аспекту изучения диалектов. Диалекты как социально маркированные языковые идиомы были рассмотрены в следующих докладах.

М. Краузе, Х. Сапнок, В. Люблинская, А. Евдокимов, Е. Мошкина, В. Подрушняк (Германия) выступили с докладом "Ментальные диалектные карты и имидж диалектов в России: метаязыковое знание и оценка диалектов" [варианты названия доклада: "Ментальные диалектные карты и оценка диалектов в России" в (Программе МСС); "Ментальные диалектные карты и имидж диалектов в России: метаязыковое знание, оценки и их лингвистические определения" в (Сборнике резюме докладов)]. Авторы полагают, что адекватное представление о языковой ситуации, в состав которой входят диалекты, можно получить, не только фиксируя особенности и динамику современных диалектов (включая лингвогеографическую интерпретацию). Существенным компонентом языковой ситуации является оценка в общественном сознании диалектных форм языка. Для выявления этой оценки авторы провели эксперимент. Носителям литературной формы русского языка, в том числе и региональных его вариантов (Пермь, Киров, Курск), были предъявлены фонетические тексты из южнорусского и севернорусского региона, из Сибири, как территории позднего заселения, а также локальные варианты стандарта. Испытуемые (студенты в возрасте 18-23 лет) должны были охарактеризовать услышанное с точки зрения близости к собственному варианту языка/речи и оценить эмоционально (приемлемо ~ неприемлемо) с позиций употребляемой ими формы стандарта. Среди полученных выводов можно отметить следующие. Севернорусские диалекты у всех испытуемых имеют скорее негативный имидж - они оцениваются как неприемлемые и далекие

* Работа выполнена при финансовой поддержке Программы "История, языки и литературы славянских народов в мировом социокультурном контексте" (10002-251/ОИФН-01/242-239/110703-1047).

от стандарта. Южнорусские диалекты, напротив, обнаруживают в основном позитивный имидж. Они воспринимаются как близкие стандарту и индифферентны в отношении "приемлемо ~ неприемлемо". Характерно, что негативное отношение к севернорусским диалектам обнаруживают участники эксперимента по происхождению из северных регионов (Киров), в то время как "южане" (Курск) оценивают южный диалект, особенно курский, позитивно. Авторы доклада используют понятие "ментальная карта", которая предположительно должна накладываться на карты лингвогеографические с тем, чтобы показать, как на территории языка распределяется отношение его носителей к диалектным формам. Но такой опыт в докладе отсутствует - результаты проведенного эксперимента представлены в виде таблиц.

В докладе **З. Греня** (Польша) "Влияние этнической и региональной идентификации на коммуникативную ситуацию в многокодовых общностях пограничья (на примере Цешинской Силезии)" показаны результаты анкетирования польского населения пограничной зоны в Польше и Чехии с точки зрения его региональной и национальной идентификации, а также языкового поведения. Автор делает следующие выводы. Коммуникативные общности пограничья смешанного этнично-языкового состава и с сильным различием в региональном самоощущении являются пространством многокодового (= мультилингвального) общения. Это создает проблемы в взаимопонимании в том случае, если сосуществующие коды сильно различаются. Упрощение ситуации может быть достигнуто или устранением иерархически более низких кодов, или слиянием разных кодов вплоть до образования новых идиомов типа язык/диалект. Степень устойчивости кодов зависит от многих обстоятельств. Среди них важной является оценка кодов (ценностей с ними связанных) со стороны их носителей: чем сильнее отдельные личности и группы связаны психически с регионом, тем устойчивее код как его символ и тем медленнее происходят процессы устранения кодов или их слияния.

Пафос доклада **А. Зелиньской** (Польша) "О сочетании социолингвистических и диалектологических методов в изучении польского языка Литвы и Белоруссии" состоит в утверждении, что принятые в диалектологии методы обследования диалектов в применении к "кресовым" польским диалектам не могут быть достаточно эффективными. Гетерогенность и неавтохтонность этих диалектов требует использования социолингвистических методов при отборе информаторов и организации вопросной процедуры. Как пример удачного исследования "кресового" диалекта автор приводит свою монографию, в которой дан анализ речи трех групп информаторов, различающихся общественным положением. Идиомы, присущие этими группами, достигают статуса "социолекта". Можно отметить, что автору свойственно несколько предвзятое представление о работе диалектолога с информаторами. Нарисованная А. Зелиньской картина взаимного непонимания и скованности при работе с информаторами по вопросу/программе не соответствует работе профессионального диалектолога.

Аналогичная тематика обсуждается в докладе **Б. Вимера** (Германия), **А. Зелиньской** (Польша) "О связи диалектологических и социолингвистических методов в изучении языковых контактов (на примере балто-славянского пограничья)". Указывается на необходимость использования в диалектологии социолингвистических методов и приемов. Только такой подход позволяет оценить инвентарь вариантов языковых форм и их соотношение и устанавливать типологию самих форм контактирования в указанной области по ряду параметров (би- и мультилингвизм, характер диглоссии, престижность отдельных идиомов и др.).

Доклад **И. Стоянова, Э. Стояновой** (Украина) "Пути развития устной и письменной формы болгарского языка в Украине" посвящен анализу в синхронном и диахроническом плане той языковой ситуации, в которую были включены болгары, переселившиеся в Северное Причерноморье. Авторы констатируют, что в результате почти двухвекового пребывания болгарских переселенцев на юге Украины произошло определенное сближение различных типов болгарских диалектов, которые существовали в речи первых поколений колонистов, а также создание "бессарабского койне", были разработаны и нормы местного варианта болгарского литературного

языка и др. При этом устная форма указанного идиома не только служила средством общения членов диаспоры между собой, но и играла интегрирующую роль во взаимодействии с русским, румынским, украинским языками. В настоящее время в болгарской языковой среде сильна ориентация на нормированные формы современного болгарского языка, чему способствует доступность обучения на этом языке.

В. Ващенко (Румыния) в своем докладе "О типологической классификации народных говоров (русского и иного ареала)" отходит от традиционного понимания диалектной классификации, как группировки диалектов по тождеству лингвистических признаков. Автор справедливо полагает, что диалект может быть охарактеризован по типу вхождения в языковую ситуацию. Это достигается включением диалекта в систему таких имеющих диагностическое значение бинарных признаков, как 1) лингвистическая однородность - чему соответствует оппозиция гомогенность ~ смешанность; 2) лингвистический континуум - сплошные ~ островные говоры; 3) лингвистическая филиация - первичные, т.е. исходные ~ вторичные (образовавшиеся на базе первичных) говоры; 4) территориальная принадлежность - эксклав ~ анклав; говоры обоих типов ощущаются окружением как чужеродные; 5) лингвистическая конвергенция - конвергентные говоры находятся под выравнивающим влиянием литературного языка ~ дивергентные, напротив, удаляются от стандарта, имея в перспективе или стать самостоятельным языком, или исчезнуть. Отмечается и особая ситуация равноправия диалекта и стандарта, когда их употребление ассоциируется с разными обстоятельствами коммуникации - официальное, бытовое, семейное общение (пример - немецкая языковая ситуация).

В результате распада СФРЮ актуальным стал вопрос языковой идентификации населения вновь выделившихся регионов.

В докладе **С. Реметича** (Сербия и Черногория) "Боснийские сербские говоры в свете диалектной интерференции (лингвистический и социолингвистический аспект)" ставится вопрос о причинах языковой устойчивости идиома вопреки условиям, способствовавшим интерференции. Такую ситуацию демонстрируют сербы (носители восточногерцеговинского диалекта), жившие в бывшей Республике Босния и Герцеговина (в составе СФРЮ) и находившиеся в постоянном контакте с носителями диалектов другого типа. Можно полагать, что сопротивление сближению с другими диалектами основано на комбинации структурноязыковых особенностей с психолингвистическими и социолингвистическими факторами. В качестве примера этого автор называет такие особенности, как отсутствие *x* и система просодии в языке сербов. Стабильность этих черт обусловлена не только тем, что отказ от них влечет за собою серьезную перестройку языковой структуры. Существенно и то, что в сознании боснийских сербов эти черты обрели признаки психолингвистической оценки и стали фактором, подчеркивающим национальную самоидентификацию.

Проблема языковой идентификации в связи с разработкой литературной нормы затронута в докладе **Н. Валевац** (Босния и Герцеговина) "Боснийско-герцеговинский диалектный комплекс и боснийская стандартноязыковая норма". В Боснии и Герцеговине официально используются три иерархически неравноценных языка - боснийский, хорватский и сербский. Из них именно боснийский не выходит за пределы Боснии и Герцеговины. Между тем этот язык, имеющий свою диалектную основу и определенную книжную традицию, требует, по мнению автора, расширения его функций и нормирования. Это необходимо, чтобы язык мог стать одним из символов боснийской нации. В то же время автор видит опасность чрезмерной изоляции от влияния хорватского и сербского языков, особенно в лексике.

Й. Раеке (Германия) представил доклад "Шлагбаум в языковом континууме - как диалектная граница превращается в языковую (на примере хорватской и словенской кайкавщины)". К проблеме исторически установленной по языку этнической идентичности". Прохождение государственной границы между Словенией и Хорватией по территории кайкавских диалектов порождает вопрос - следует ли констатировать в кайкавском континууме два национальных языка или два разных диалекта. В

соответствии с этим автор считает, что единство нации обеспечивается не столько языком, сколько этнической самоидентификацией членов нации.

Г. Бенедек (Венгрия) посвятил свой доклад "Диалект или язык? (Лингвистические и этнолингвистические критерии на материале неславянских и славянских языков)" важной в теоретическом и практическом отношениях проблеме изменения статуса диалекта и превращения его в самостоятельный язык.

В докладе **К. Клепча** (Польша) "Заемствования из немецкого в силезских говорах" рассмотрены историко-культурные, общественно-политические и другие условия усвоения указанных иноязычных элементов. Изучению корпуса германизмов будет способствовать создающийся в настоящее время Силезский диалектный словарь, значительную часть словника которого составляют именно лексические заимствования из немецкого. Актуальной является и проблема функционирования последних в современной народной речи, для описания которого необходимо использование социолингвистических методов исследования.

Л. Бартко, Н. Дзензелевская, Ш. Липтак (Словакия) в докладе "Словацкие диалекты на Закарпатской Украине в свете языковых контактов" излагают некоторые результаты многолетних систематических обследований словацко-украинских взаимодействий с учетом современного статуса словацкого языка в разных населенных пунктах Закарпатья. Так, авторы приходят к выводу, что ныне словацкие идиомы в этой зоне являются типичными переселенческими говорами смешанного типа. При этом, несмотря на существование в настоящее время довольно благоприятных условий сохранения словацкого языка и национальной идентичности (благодаря тесным связям с метрополией), в результате интенсивных контактов с украинским и венгерским населением области процессы ассимиляции носителей словацкого языка заметно усиливаются. Об этом свидетельствует сокращение числа говорящих на словацком, сужение сферы его функционирования и под. В целом будущее словацких говоров анклава оценивается авторами весьма пессимистично. Именно поэтому, по их мнению, необходимы интенсивные обследования данных говоров, чтобы возможно полнее зафиксировать их современное состояние.

В докладе **М. Кирай, В. Нистора** (Румыния) "Социолингвистические и психолингвистические аспекты билингвизма" были сопоставлены два типа двуязычия: русско-румынское в русских говорах "липован" Румынии и румынско-русское у населения Республики Молдова.

Я. Ригер (Польша) в своем докладе "Заемствования и их функции в языке меньшинств (на примере польских говоров в Украине и украинских в Польше)" описывает некоторые типологически сходные факторы, как способствующие увеличению числа заимствований, так и препятствующие этому. К первым относятся: характер лексических групп, время пребывания носителя вне родного говора (ср. последствия "депортации"), сфера использования идиома и др. Ко вторым - фонетические особенности соответствующих идиомов (ср., например, различия в рефлексации *ѣ, *Ч, *е, *а, *о и др.).

Закономерно достаточно большое внимание в докладах, представленных на съезде, было уделено лингвогеографическим и ареалогическим штудиям.

Доклад **Т.И. Вендиной** (Россия) "Лексика и семантика на картах Общеславянского лингвистического атласа" построен на материале первых трех лексико-словообразовательных выпусков ОЛА. Автор исходит из того, что лексические изоглоссы в пределах Славии не только более многочисленны, чем фонетические, но и имеют большее диагностическое значение для создания адекватного представления о диалектной дифференциации праславянского языка и о последующих изменениях в славянском диалектном континууме. Актуальна тенденция к сужению ареалов праславянских лексем за счет распространения локальных диалектизмов. Регионы, в которых фиксируется архаическая лексика, образуют, по словам автора, "пояс архаики", протянувшийся от южной части севернорусских говоров до македонских. Что касается лексической специфики отдельных славянских языков/диалектов, то она характеризуется по-разному в зависимости от того, в каком контексте рассматриваются выбранные лексе-

мы - в общеславянском или в рамках родственных языков. Анализ лексических материалов ОЛА позволяет: 1) эксплицировать заметную лексическую специфику отдельных языков (ср., например, определенное обособление украинского внутри восточнославянской языковой группы, самобытность лексики русского языка в масштабах всей Славии и др.); 2) выявить степень диалектной гомогенности различных зон - так, восточнославянский диалектный континуум в целом отличается большим единством, а южно- и западнославянскому региону свойственна "исключительная гетерогенность"; 3) установить меру вариативности на уровне целнолексемных номинаций, корней и аффиксов. Лексические материалы ОЛА уже на данном этапе имеют большое значение для сравнительно-исторических и этимологических разысканий. Таким образом, доклад Т.И. Вендиной представляет собою один из первых опытов синхронного и диахронического обобщения той ареальной информации, которую предлагают карты ОЛА.

Высокая оценка славянской лингвогеографии как составной части славянского языкознания дана также в докладе **П. Грищенко, В. Колесник** (Украина) "Эвристический потенциал славянской лингвистической географии". Особенно подчеркивается значение Общеславянского лингвистического атласа. Большой и сопоставимый материал этого атласа позволяет по-новому решать вопросы генезиса славянских языков, ареальных отношений между славянскими языками, определить степень их типологической близости в синхронии, ставить вопрос о направлении и интенсивности межславянских и неславянских влияний.

Ареалогической интерпретации подвергается материал лексических выпусков ОЛА и в докладах **А. Ференчиковой** (Словакия) и **Я. Сятковского** (Польша). В первом из них - "Сельскохозяйственная лексика в ОЛА" - анализируются единицы, входящие в указанную лексико-семантическую группу. Обосновывается точка зрения, согласно которой мера дифференцированности славянского языкового пространства весьма различна и зависит как от генезиса отдельных лексем (исконных, заимствованных), так и от интенсивности языковых, культурных, политических и других контактов. Во втором докладе - "Иноязычные заимствования в ОЛА", на основе материалов четырех лексических выпусков ОЛА устанавливается величина ареалов заимствований из немецкого языка (зафиксированы в многочисленных фонетических и под. вариантах), из тюркских (противопоставлены говоры южной Славии, где языком-источником является преимущественно турецкий, и северной Славии, в которых отмечаются лексемы, пришедшие из других языков указанной семьи), из греческого и др. Эти данные синхронического характера, с учетом историко-языковых материалов, являются основой изучения славяно-неславянских контактов и взаимодействий.

В последние десятилетия отмечается интенсивное развитие таких направлений ареально-типологической лингвистики, как карпатистика, балканистика и др. Они ориентированы на изучение тенденций конвергентного развития славянских идиомов. Так, в докладе **Г.Л. Клепиковой** (Россия) "Карпатологический аспект славянской лингвогеографии" приводятся ареалогические аргументы из сферы лексики и семантики, основанные преимущественно на данных "Общекарпатского диалектологического атласа" (= ОКДА), в пользу существования карпатской (= карпато-балканской) языковой общности генетически гетерогенной по своему характеру. Дается анализ ареалогически значимых ситуаций, который показывает выделенность карпатской лингвистической зоны в пространстве Славии по признаку фиксации лишь в ней 1) многочисленных заимствований из румынского, венгерского и др. языков и 2) локализмов-эксклюзивов исконного происхождения. При этом отмечается значительная дифференциация зоны по указанным лексическим элементам.

Материал ОКДА лежит и в основе доклада **Л. Балоба, Я. Банчеровского** (Венгрия) "Славянские заимствования в восточных венгерских говорах на основе VI тома ОКДА", в котором, наряду с общей характеристикой контактов венгерских диалектов с иными диалектами зоны Карпат, рассмотрена судьба ряда конкретных иноязычных заимствований (*bdrany, riskajerke, kanca* и др.).

А.Н. Соболев (Россия), широко используя материал "Малого диалектологического атласа балканских языков" (= МДАБЯ), в докладе "Южнославянские языки в балканском ареале" приходит к выводу, что балканское языковое/диалектное пространство представляет собою континуум. Это создает основу для констатации существования особой языковой общности конвергентного типа (= "союза"), которая реализуется на фонетическом и лексическом уровнях. Карты атласа свидетельствуют и о разделении лингвистической балканской зоны на "запад" (восток Сербии, запад Болгарии, некоторые македонские, а также албанские и арумунские говоры) и "восток/юго-восток" (греческо-болгарско-восточномакедонская область). При этом, по мнению автора, установленное членение зоны может быть соотнесено с иллиро-фракийской, греческо-латинской оппозицией в прошлом, а также и с противопоставленностью современных турецких диалектов. В дискуссии по этому докладу, как это было и ранее, высказывалось сомнение: достаточна ли сетка атласа, состоящая из 15 пунктов, для выводов обобщающего характера.

Доклад **А.А. Плотноковой** (Россия) "Южнославянская этнокультурная лексика в ареальном аспекте" построен на материале полевых обследований по специальной этно-лингвистической программе МДАБЯ и на экскерпциях из большого числа диалектных словарей, этнографических описаний и др. Это дает возможность автору использовать варьирующуюся, но достаточно густую сетку пунктов и установить точную географию соответствующих лексем, а также мотивирующих их контекстов функционирования, семантики и символики разных групп терминологии традиционной духовной культуры. Анализ и сопоставление изоглосс позволяет выявить в пространстве Южной Славии несколько типов ареалов: глобальное противопоставление (запад - восток, центр - периферия), обособление небольших зон и др.

В докладе **Р. Коссутты** (Словения) "Словенский диалектологический атлас зоны Копра. Традиции и инновации" содержится общая информация о работе над словенскими региональными атласами области Истрия и специально - о принципах создания названного атласа и некоторых полученных результатах (ср. издание его в виде книги и CD-ROM).

Диалектологическая тематика предполагала интерпретацию разного объема сведений об особенностях отдельных диалектов и их совокупностей.

В докладе **Л.Э. Калынь** (Россия) "Фонетическая программа слова как инструмент типологической классификации славянских диалектов" предлагается опыт создания динамической модели фонетической синтагматики славянских диалектов. Славянские языки/диалекты, получив после падения редуцированных сходное праславянское наследие, в дальнейшем существенно разошлись именно на уровне фонетической синтагматики. Актуализировалась новая синтагматически значимая рамочная единица - вместо слога такой единицей стало фонетическое слово, а правила развертывания звуковой последовательности определялись фонетической программой слова. В программе конкурируют унаследованные от праславянского состояния контактные связи между звуками (произносительная инерция) и вновь формирующиеся дистактные (антиципация) - эти типы связи хронологически маркированы и лежат в основе прогрессивно и регрессивно направленных фонетических изменений. Результаты использования указанных параметров в рассмотрении правил сочетания согласных разного места и способа образования в разных славянских диалектах переформулированы в типологические характеристики на уровне фонетической синтагматики. Ориентация звуковых изменений на контактный тип связи в звуковой последовательности (прогрессивное направление) репрезентует более архаический тип синтагматики и представлен в диалектах южной Славии (особенно македонские), а на западе - в серболужицких. Сравнительно более низкая частота регрессивного изменения согласных является знаком сопротивления внедрению в звуковую синтагматику инновации в виде дистактных связей, что свойственно тем же диалектам, которые по принципу контактных связей отнесены к архаическому типу. В диалектах южных регионов, а фрагментарно и в серболужицких, известна и такая особенность, как организация консонантной после-

дователюности в соответствии с естественным направлением шумопрохождения ($d_9l > >g,k$ перед я, /; $sc > xc$, $s? > xd$, $\text{№} > x\text{£}$). Эта фонетическая черта, которая не покрывается только понятием "диссимиляция", является проявлением особого синтагматического типа.

Доклад **Р.Ф. Касаткиной, Л.Л. Касаткина** (Россия) "Прародина оregonских старообрядцев-турчан по данным их говоров" является результатом наблюдения авторов над речью старообрядцев, переселившихся в разное время в США. По своим языковым характеристикам обследованная группа старообрядцев распадается на два говора. Выявленные черты фонетики, морфологии, синтаксиса, по мнению авторов, сближают говоры с русской юго-западной диалектной зоной. Хотя можно заметить, что недопустимость финальных мягких губных, сочетания *кы, гы, в* >у широко присутствуют и в севернорусских говорах. Из фонетических черт особое значение авторы придают менее шипящим и свистящим спирантам, видя в этом указание на то, что прародиной оregonских старообрядцев мог быть регион Пскова. В докладе приводятся данные о лексике старообрядцев, которая в разных своих частях обнаруживает сходство с лексикой различных областей России и в то же время демонстрирует результаты контактов с другими языками. Лингвистическая характеристика говора предваряется информацией о перипетиях судьбы и передвижениях старообрядцев, оказавшихся в конечном итоге в штате Орегон.

М. Земляк, В. Смоле (Словения) предложили доклад "Частота и длительность исходно о-гласных в некоторых словенских акающих и укающих говорах". Полевой диалектный материал был подвергнут инструментально-акустическому анализу. Исследованы три говора - акающий (доленский), позиционно акающе-укающий (восточнодоленский) и преимущественно укающий (штаерский посавский). Результаты анализа частоты и длительности безударных гласных показаны в таблицах, включенных в доклад.

М. Колетник (Словения) в докладе "Фонетическое развитие словенскогогоришкогo наречия" рассматривает динамику явлений вокализма и консонантизма, образующую специфику названного диалекта. Автор располагает большим материалом, поскольку им написана монография (Slovenskogoriško narečje. Maribor, 2001), посвященная описанию именно этого наречия.

М. Флайер (США) в докладе "О редкой инновации в восточнославянском глаголе: пример белорусской диалектной формы типа *идом* 'идём' " появление формы *praes I* рi типа *идом, несом* связывает со специфическим набором фонетико-фонологических признаков, свойственных некоторым белорусским диалектам. Установлен четкий ареал бытования указанной формы - центрально-южные и юго-восточные говоры Беларуси.

С.Л. Николаев (Россия) в докладе "Новые данные о фонетике и просодии восточнославянских говоров" предлагает свой взгляд на явления, имеющие в славистике традиционно принятую интерпретацию. Это касается констатации разной рефлексации *ми *а в некоторых говорах карпатоукраинского ареала. Кроме того, автор вновь возвращается к теме, не раз обсуждавшейся им ранее, а именно о наличии тонового ударения (интонаций) в восточнославянских диалектах, конкретно - в черниговских полесских говорах.

В докладе **О. Ковач** (Венгрия) "Акцентологические и фонетические архаизмы в изолированных украинских говорах Венгрии и Румынии" интерпретируется полевой материал, собранный по специальной программе. Объектом исследования является судьба праславянских акцентных парадигм *а, б, с* разных именных и глагольных основ. Для говоров с постоянным ударением реконструируется архаическое состояние на материале фактов сохранения подвижного ударения. Цель доклада - установить зависимость поздних инновационных процессов от характера корневого гласного, а также сопоставление систем инновационных изменений исследуемых говоров.

В докладе **М. Йовановича** (Сербия и Черногория) "Континуанты старого гласного в говорах Черногории" рассматриваются особенности рефлексации краткого и долгого **ě* и факты нарушения отношений к количеству слога.

Ю. Накаджима (Япония) ("Опыт прагматического анализа местоименных форм в македонском языке"), используя данные македонского диалектологического атласа и материалы собственных наблюдений, устанавливает зоны противопоставления форм личных местоимений (с удвоением и без него), "синтетического" (*тебе те, тебе ти, нему му I него му* и др.) и "аналитического" (*на тебе те, на нему му I на него [му]* и др.) типов, - последние отмечаются, с разной фреквентностью, в восточных говорах Македонии. Запись диалектной речи в свободной беседе на определенную тему (в данном случае была выбрана тема "свадебная церемония") позволяет более точно описать функционирование разных форм и соотношение вариантов.

Л. Антонова-Василева (Болгария) в докладе "Семантические особенности вторичных имперфективов в болгарских диалектах в сопоставительном плане", изучая некоторые особенности функционирования указанных форм и их семантики в диалектах и литературном языке, приходит к уточненному пониманию глагольного вида как чисто грамматической категории и места признака итеративности в глагольной системе болгарского языка.

Р. Бенаккио (Италия) посвятила свой доклад "Употребление лексемы *ta* в пространственно-временных обстоятельствах в словенских диалектах Фриулии: еще раз о славяно-романских контактах" обоснованию версии происхождения в некоторых словенских говорах частицы-энклитики *ta* (в сочетании с рядом предлогов - *na*, *w* и др.) из славянского наречия **tamo* (> *tam-na* > *tan-na* > *ta-na* и др.). При этом, однако, отмечается и возможное влияние типологически сходных конструкций, существующих в соседних итальянских говорах.

С. Танасич (Сербия и Черногория) в докладе "Синтаксис падежей в говоре Вучияка в свете контактов с соседними икавскими говорами" анализирует, с одной стороны, синтаксические черты, отличающие указанные говоры от остальных, принадлежащих к той же, восточногерцеговинской, диалектной группе (ср. особенности употребления ряда предложно-падежных конструкций), а, с другой, - черты, четко отграничивающие исследуемый идиом от соседних ийекавских/икавских говоров хорватского языка (ср. отсутствие в говоре микрозоны Вучияк конструкций типа *к/а/* + дат. п.).

В. Астрэйка (Беларусь) в докладе "Бал*то-восточнославянское зональное взаимодействие", на основании ряда конфигурационно близких изоглосс на северо-западе и севере Беларуси, манифестирующих лексико-семантические инновационные явления, уточняет (по сравнению с более ранними исследованиями) область активных белорусско-балтийских контактов.

В докладе А.Ф. Журавлева (Россия) "Диалектный словарь и культурные реконструкции" при этимологизировании некоторых слов широко используются диалектные словари и этнографические работы, содержащие детальные описания народных обрядов, верований и др. Ср., например, обоснование автором новой версии происхождения названия птицы *Cuculus canopus* *кукушка' как переносного. Первичным, по мнению автора, для этого слова является значение 'фигурка, кукла и под.' в русских диалектах, которое отражено в названиях народного обычая *крещение* и *похороны кукушки*.

В.В. Нимчук (Украина) в докладе "Проблема карпатоукраинско-южнославянских лексических параллелей" показывает, что и на современном этапе развития карпатского языкознания сохраняет актуальность такое его направление, как поиск и изучение элементов, общих для карпатоукраинских и южнославянских говоров, и иллюстрирует это положение на примере укр. диалектн. *авет, аведа* (Закарпатье) и параллелей в сербских диалектах.

Вопросы диалектной лексикографии рассматривались в докладах польских лингвистов В. Борыся и Г. Поповской-Таборской, а также И. Оконёвой. Первый из них, "Задачи и методы создания этимологических словарей небольших славянских зон", посвящен изложению принципов создания и ходу работы над Этимологическим словарем кашубских говоров. Авторы полагают, что создание подобных словарей является важной задачей славистики, поскольку это будет способствовать решению проблем славянского этногенеза. Второй доклад - "Состояние изучения и перспективы лексикографических

исследований в области польского языка Подгаля", содержит информацию об основных трудах, касающихся изучения указанного региона, изданных в Польше.

Здесь же упомянем доклад **Е. Русека** (Польша) "Словарь балканизмов в южнославянских языках", в котором содержится подробная характеристика указанного Словаря, подготовленного автором доклада и состоящего примерно из 2000 словарных статей. Важным его компонентом, наряду с данными общих и исторических словарей и иных источников, является диалектный материал балканославянских языков. Е. Русек определяет Словарь балканизмов как сопоставительный по своему характеру.

Вопросы исторической диалектологии также явились предметом рассмотрения на данном съезде, однако эта тематика оказалась представленной в небольшом числе докладов.

Эти вопросы, в связи с решением более общих, историко-культурных (resp. социокультурных) проблем отражены в докладах **Вяч.Вс. Иванова** (Россия) и **И.П. Климова** (Беларусь). В первом из них, "Славянские диалекты в соотношении с другими языками Великого Княжества Литовского", содержится детальное описание особенностей функционирования в XIV-XVII вв. славянских языков в их устной и письменной форме и дается характеристика, с одной стороны, западных восточнославянских говоров [= (старо)белорусского и/или (старо)украинского языка], которые использовались основной массой населения в повседневном общении (и вместе с иными языковыми идиомами явились базой главного письменного языка Княжества). Исследования показали, что в XIV-XV вв. в славянских говорах преобладали черты украинского типа (ср. развитие рефлексов **ě* > /), затем отмечается рост числа черт белорусского типа (смещение рефлексов **ě* и **e*, аканье, цоканье и под.). С другой стороны, автор указывает, что в ситуации функционального многоязычия определенное место занимали и диалекты "восточнорусского" языка, расположенные как на территории Княжества, так и за его пределами, на территории исторически связанной с балтийскими языками, что нашло отражение в существовании соответствующих параллелей в их фонетическом развитии (ср., например, **dl* > **gl* и др.).

В своем докладе "Реформация в истории литературных языков славян. Вклад польско-белорусского и словенско-хорватского протестантизма" **И.П. Климов** рассматривает проблему выбора того или иного диалекта (= диалектного койне) при создании в Южной и Северной Славии в XVI в. переводов библейских книг с целью облегчения пропаганды протестантских идей на народном (разговорном) языке. Автор обращает внимание на общие и специфические факторы в сфере переводческой деятельности в двух указанных центрах.

Отношение к современным диалектам как важнейшему источнику истории языка отличает доклад **Н.Е. Апаньевой** (Россия) "Роль данных глагольного словообразования в современных западнославянских диалектах для изучения исторических процессов славянской глагольной деривации". Автор, анализируя в современных диалектах (прежде всего польских - малопольских, силезских и др.) префиксальные дериваты с различным акциональным значением и сопоставляя эти данные с показаниями памятников письменности, выявляет как архаичные черты в современных диалектах (ср. сохранение перфективирующей функции приставок *do-o-/ob[el]-*), так и многочисленные инновации (ср. функционирование в разных диалектных зонах "вторичных" дистрибутивов типа *pozwybierac*ʹ, неитеративных дистрибутивов типа *pospisać* ʹи под.). Подобное направление исследований позволяет уточнять исторические тенденции развития таких явлений, которые на стадии их становления отражены в памятниках письменности.

Й. Лисац (Хорватия) в докладе "Возникновение и развитие юго-западного истрийского диалекта" анализирует отдельные особенности диалекта и приходит к выводу, что он по своему происхождению является штокавским, но по мере продвижения к Истрии приобрел многие черты чакавизма.

Интересную информацию содержит доклад **С. Халиловича** (Босния и Герцеговина) "Боснийскогерцеговинские говоры конца XIX в. (в свете Анкеты о говоре простого народа 1897 г.)". Автор сообщает об анкете обследования диалектов, подго-

товленной М. Решетаром и опубликованной в Сараеве в 1897 г. Она предназначалась для изучения боснийскогерцеговинских говоров с тем, чтобы 1) установить их основные особенности, 2) связать их с конфессиональной принадлежностью носителей диалектов, 3) установить различие между говорами и стандартом того времени. Материал ответов на эту программу дает информацию о диалектной картине центральной штокавской территории конца XIX в. Используя эти данные, автор реконструирует ряд боснийскогерцеговинских изоглосс.

Л. Коленич (Хорватия) в докладе "Славонский диалект в отношении к другим хорватским диалектам" характеризует этот идиом как штокавский архаический тип, что проявляется в акцентной системе и в морфологических особенностях. В то же время диалект имеет общие черты с архаическими диалектами кайкавского и особенно чакавского наречия. Автор, учитывая это, ставит задачу дать свое понимание развития хорватских диалектов.

Ж. Милин, М. Радан (Румыния) в докладе «О едином происхождении некоторых архаических сербских говоров на территории Румынского Баната (карашевского, свиначского и "банатско-черногорского")», анализируя основные фонетико-морфологические, синтаксические и лексические особенности каждого говора, приходят к следующим выводам: 1) все говоры принадлежат к некоему единому архаическому штокавскому диалекту экавского типа, который был распространен от юго-западной части Сербии и соседних областей Черногории до областей Славония и Банат; миграционные процессы XIV-XVIII вв. нарушили это изначальное единство; 2) современное состояние указанных говоров указывает на известную близость их к некоторым говорам косовско-ресавской зоны; 3) сербское происхождение изученных говоров не может быть подвергнуто сомнению, несмотря на заметное влияние на них соседних болгарских диалектов.

Доклад **И. Шаллерга** (Канада) "Рефлексы общеслав. **nogbtb* 'ноготь, коготь' в болгарских диалектах" представляет собой опыт диахронической интерпретации диалектных вариантов, отраженных в Болгарском диалектном атласе в виде достаточно четких ареалов разной величины: *nokbt* ~ *nekbtf* ~ *пъкы* и др.

М. Маркович (Македония), основываясь на материалах ОЛА, в докладе "К славянской этимологии (общее название одежды)" рассматривает некоторые обозначения данной реалии в славянских и иных индоевропейских языках и показывает сходство глубинных (= мотивационных) признаков, определяющих типологическую близость различных номинаций.

Тематика влияния славянских языков на неславянские представлены двумя докладами. **Дж. Левин** (США) ("Севернославянско-литовские контакты: взаимное влияние и сопротивление") полагает, что лишь на части указанной контактной зоны (юго-восток Литвы - северо-восток Беларуси) можно допускать славянское влияние в сфере фонетики, а точнее - говорить об определенной общности ряда фонетических процессов ($\text{£} > \text{¢}$, аффрикатизация *t*, *d* перед передними гласными, сдвиг артикуляции /, *e* > *ы*, *£*, появление протетического *h* и под.). При этом ареалы отдельных явлений не совпадают. На остальной части зоны процессы фонетических изменений в литовском шли независимо от славянского.

Р. Сырбу (Румыния) в докладе "Актуальные тенденции в истрорумынском диалекте (влияние хорватского языка)" определяет ситуацию в говоре с. Жеяни (Истрия) как асимметричный билингвизм. Указывается на ассимилирующую роль хорватских диалектов и хорватского литературного языка, что отражается в существовании большого числа вариантов и дублетов в лексике и семантике, в возникновении новых грамматико-словообразовательных форм и др.

В предлагаемом обзоре необходимо отметить, что диалектологическая проблематика отразилась и в докладах, подготовленных российскими лингвистами к МСС, но не включенных в его программу. Они были прочитаны на Московской конференции, посвященной МСС (июнь 2002 г.), и опубликованы отдельным изданием (см. Приложение). Это следующие доклады.

В докладе **С.В. Князева** "О формировании важнейших типов аканья и яканья в русском языке" предложен вариант решения проблемы, традиционно являющейся дискуссионной в руссистику. По мнению автора, аканье в русских говорах возникло после падения редуцированных и имело в своей основе разную длительность гласных в ударном и предударном слогах. В этой ситуации предударные гласные (кроме самых кратких, какими были *u*, *ы*, *у*) сокращались до степени *ъ/ѣ*, в чем видится тот же механизм, который действовал при сокращении **ѡ*, **ѣ* перед слогом с гласными полного образования. Особые отношения между предударным и ударным слогом реализовались в тех говорах, где они объединялись в "просодическое ядро" слова (в говорах, сохранивших различие предударных гласных неверхнего подъема, "просодическое ядро" отсутствовало). В дальнейшем в рамках "просодического ядра" предударный гласный подвергался изменениям в зависимости от собственной длительности ударного гласного. На этом основано многообразие моделей предударного вокализма русских акающих/якающих говоров.

Вопросам изученности русского диалектного континуума методами лингвогеографии посвящен доклад **С.К. Пожарицкой** "Говоры северных территорий и их место в диалектном членении русского языка". Отсутствие в ДАРЯ территории севернее 62 параллели вывело за пределы изучения важную для характеристики русского диалектного континуума группу говоров, традиционно именуемую Поморской в рамках севернорусского наречия. Анализируя ряд языковых особенностей этих говоров в Архангельской обл., автор приходит к выводу, что выделение особой Поморской группы говоров имеет объективные основания и без учета этого картина диалектного членения русского языка не может быть полной.

И.А. Букринская, О.Е. Кармакова в докладе "Противопоставление центральных и периферийных ареалов в восточнославянской лингвогеографической традиции" рассмотрели проблему соотношения этих ареалов в пределах Европейской части русской языковой территории. Авторы на основании большого числа преимущественно лексико-семантических изоглосс, отраженных на картах "Диалектологического атласа русского языка", предлагают условную локализацию "центра". Это - говоры вокруг Москвы и в Волго-Клязьминском междуречье. Говоры же вологодской и рязанской зон они относят к "периферии". В то же время обращается внимание на относительный характер данного соотношения. Уже в рамках в о с т о ч н о й Славии указанный континуум "центральных" говоров может рассматриваться как "восток", противопоставленный "западу" (= западная часть русских говоров, говоры украинского и белорусского языков), а в масштабах в с е й Славии - как "периферия", где обнаруживается значительное число черт, зафиксированных в говорах другой "периферийной" области, а именно южнославянской.

В докладе **С.А. Мызникова** "Субстратный языковой ландшафт русских говоров Северо-Запада", построенном на материале его "Атласа субстратной и заимствованной лексики русских говоров" (СПб., 2003), ареалогический метод характеризуется как наиболее эффективный при изучении заимствований. Автор в сфере, определяемой им как "субстратная лексика", стремится разграничить (хронологически стратифицировать) явления различного типа (ср. "полный"/"неполный" субстрат, "адстратный" субстрат и под.). Кроме того, констатируется наличие в русских говорах Северо-Запада и таких лексических единиц, которые имеют иную природу (= "адстратные проникновения"). Теоретические положения доклада проиллюстрированы на примере анализа карты, посвященной названиям картофельной ботвы.

Анализ диалектологической проблематики, отраженной в докладах, которые были подготовлены к XIII Международному съезду славистов, позволяет сделать некоторые выводы.

Славянские диалекты, как специфическая форма функционирования национальных языков, продолжают привлекать внимание лингвистов. Диалекты исследуются в разных аспектах. Традиционно популярными остаются описания особенностей диа-

лектов и их лингвогеографическая интерпретация. Однако диалектная карта обретает и новое значение, которое уже не сводится только к изображению дифференциации картографируемой территории с помощью изоглосс. Важное место занимает ареалогическая характеристика картографируемого пространства, когда выявленные зоны рассматриваются как аргумент в решении проблем генезиса и развития отдельных славянских языков и их групп, помогают понять специфику синхронных отношений между разными диалектами/языками.

Накопление знаний об отдельных языковых особенностях славянских диалектов создает базу для построения типологических обобщений. Закономерным результатом этого является построение типологической классификации славянских диалектов/языков на разных уровнях (такой опыт продемонстрирован на уровне фонетики).

В то же время необходимо отметить, что в докладах по диалектологии был широко представлен социолингвистический аспект. Диалекты рассматриваются как идиомы, существующие в рамках определенной языковой ситуации, а также вступающие в контакты с окружающей языковой средой. Социально маркированный статус диалектов определяет не только динамику их развития в рамках национального языка, но и придает определенную окраску общей картине национального языка. Такое представление о диалектах складывается в том случае, когда в исследовании на фоне знаний о "внутрилингвистических" свойствах идиома приоритет отдается факторам "внешнелингвистическим", а также "экстралингвистическим". Установление социолингвистических характеристик в диалектологии требует разработки специальных методов и техники обследования диалектов. Надо отметить, что значительные успехи в этом направлении продемонстрировали доклады зарубежных лингвистов. К сожалению, этот аспект диалектологии не нашел отражения в российских докладах. Можно надеяться, что в дальнейшем социолингвистическая проблематика займет достойное место в трудах отечественных славистов.

Приложение

Рассмотренные доклады отражены в следующих изданиях:

1. МАНУ. Отделение за лингвистика и литературна наука. XXVII. 1-2. Реферати на македонските слависти за XIII Меѓународен славистички конгрес во Љубљана, 2003. Скопје, 2003.
2. Мовознаўства. Штэратура. Культуралогіі. Фалькларыстыка. XIII Міжнародны з'езд славістаў (Љубляна 2003). Доклады беларускай дэлегацыі. Мінск, 2003.
3. Мовознавство. № 2-3. XIII Міжнародний з'їзд славістів. Доповіді української делегації. Київ, 2003.
4. Славянска филология. 23. София, 2003.
5. Славянское языкознание. XIII Международный съезд славистов. *Любляна 2003 г.* Доклады российской делегации. М., 2003.
6. Славянское языкознание. Материалы конференции (Москва, июнь 2002 г.). К XIII Международному съезду славистов. М., 2003.
7. American contributions to the XIII International congress of Slavists (Ljubljana, 2003). V. 1: Linguistics. Bloomington, 2003.
8. Contributi italiani al XIII congresso internazionale degli slavisti (Ljubljana 15-21 agosto 2003). Pisa, 2003.
9. XIII Mednarodni slavistični kongres. Ljubljana 15-21 avgust 2003. Zbornik povzetkov. 1. del. Jezikoslovje. Ljubljana, 2003.
10. XIII Mednarodni slavistični kongres (Ljubljana 15-21 avgust 2003). Program. Ljubljana, 2003.
11. Píspevky slovenských slavistov. XIII medzinárodný zjazd slavistov v L'ubl'ane. Bratislava, 2003.
12. Romanoslavica XXXVIII. Referate și comunicări prezentate la cel de-al XHI-lea congres internațional al Slavistilor (Ljubljana 15-21 august 2003). București, 2002.
13. Slavistična revija. Letnik 51. Zbornik referatov za Trinajsti mednarodni slavistični kongres. Ljubljana, 2003.
14. Z polskich studiów slawistycznych. Seria 10. Językoznawstwo. Prace na XIII Międzynarodowy kongres slawistów w Lublanie 2003. Warszawa, 2002.
15. Zeitschrift für Slawistik. B. 48. Hft. 2. 2003.